

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Унесенные ветром

Часть 3

ФТМ

Москва

УДК 82/821
ББК 84(2)
М67

MARGARET MUNNERLYN MITCHELL
Gone with the Wind
1936

Перевела с английского Т. Озерская

Митчелл М.

М67 Унесенные ветром : [роман] / Маргарет Митчелл. — М.: «Т8 Издательские Технологии» / «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020. — (Серия «Разум и чувства»).

«Унесенные ветром» (1936) — великая сага о Гражданской войне в США и ее последствиях и о судьбе своенравной и готовой идти по головам Скарлетт О'Хара. Над этим романом Маргарет Митчелл работала более 10 лет. Это книга о спасительном жизнелюбии, о любви и войне, о предательстве и верности, о жестокости и умении продолжать жить вопреки всему.

Во второй том вошла третья часть романа в классическом переводе Т. А. Озерской.

**УДК 82/821
ББК 84(2)**

ISBN 978-5-521-74557-9

© Озерская Т. А., наследники,
перевод на русский язык, 2020
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2020

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 17

Наступил май 1864 года — жаркий, сухой, с пожухшими от зноя, не успев раскрыться, бутонами цветов, и янки под предводительством генерала Шермана снова были в Джорджии, под Далтоном, в ста милях к северо-западу от Атланты. Там, на границе Джорджии и Теннесси, ожидалась тяжелая битва. Янки стягивали свои силы для удара на Западно-Атлантскую железную дорогу, соединявшую Атланту с Теннесси и Западом, — на ту самую дорогу, по которой осенью были переброшены войска южан, одержавшие победу при Чикамауге.

Однако предстоящее сражение при Далтоне не особенно тревожило Атланту. Место, где янки сосредоточивали свои войска, находилось всего несколькими милями юго-восточнее полей сражений при Чикамауге. Один раз янки уже пытались пробиться оттуда по горным тропам дальше и были отброшены. Прогонят их и теперь.

В Атланте — да и во всей Джорджии — понимали, что этот штат имеет слишком важное стратегическое значение для Конфедерации, чтобы генерал Джо Джонстон позволил янки долго оставаться в его пределах. Старина Джо и его солдаты не дадут ни одному янки продвинуться дальше к югу от Далтона — слишком многое зависело теперь от того, чтобы жизнь в Джорджии шла без перебоев. Этот не разоренный еще штат был для Конфедерации и огромной житницей, и механической мастерской, и вещевым складом.

Он поставлял почти все вооружение и порох для армии и почти весь хлопок и шерстяные изделия. Между Атлантой и Далтоном находился город Ром с его литейными и другими промышленными предприятиями, а также Итова и Аллатуна с самыми большими чугунолитейными заводами к югу от Ричмонда. Да и в Атланте изготавливались не только оружие, снаряды, седла и походные палатки — здесь были расположены и самые крупные прокатные станы Юга, все основные железнодорожные депо и огромное число госпиталей. И та же Атланта была главным железнодорожным узлом, где пересекались линии четырех железных дорог, от которых зависела жизнь всей Конфедерации.

Словом, особой тревоги никто не испытывал. В конце концов, Далтон был далеко — почти у самой границы Теннесси. А в Теннесси уже на протяжении трех лет шли бои, и все давно привыкли представлять себе этот штат как отдаленный театр военных действий — почти столь же далекий от них, как Виргиния или район реки Миссисипи. К тому же между янки и Атлантой находился старина Джо со своими солдатами, а всем и каждому было известно, что теперь, после смерти Несокрушимого Джексона, у Конфедерации не было лучшего военачальника, чем Джонстон, если не считать, конечно, самого генерала Ли.

Теплым майским вечером на веранде дома тетушки Питтипэт доктор Мид кратко изложил точку зрения горожан, заявив, что Атланте совершенно нечего опасаться, поскольку генерал Джонстон со своей армией стоит в горах, как неприступный бастион. Каждый из тех, кто тихонько покачивался в креслах-качалках, глядя, как первые жуки-светляки, словно по волшебству, возникают в сгущающихся сумерках, воспринял его слова по-своему, ибо у всех было далеко не безоблачно на душе. Миссис Мид, сидевшая, положив руку на плечо Фила, надеялась, что, бог даст, доктор окажется прав. Она понимала: если военные действия приблизятся к Атланте, Фил должен будет уйти на фронт. Ему уже исполнилось шестнадцать, и он был зачислен в войска внутреннего охранения. Фанни Элсинг, бледная, с ввалившимися глазами, все еще не оправившаяся после геттисбергской трагедии, старалась отогнать от

себя страшную картину, неотвязно стоявшую перед ее мысленным взором все эти месяцы: лейтенант Даллас Маклюр умирает в тряской повозке, влекомой волами по размытым дождями дорогам, в дни ужасного бесконечного отступления к Мериленду.

Капитана Кэйри Эшберна мучила недействующая рука, и к тому же он был подавлен тем, что его ухаживание за Скарлетт зашло в тупик. Оно не продвинулось ни на йоту с того дня, как стало известно, что Эшли Уилкс попал в плен, хотя сам капитан Эшберн не улавливал никакой связи между этими двумя обстоятельствами. Скарлетт и Мелани думали об Эшли, что они делали всегда, если их не отвлекали повседневные заботы или необходимость поддерживать разговор. Мысли Скарлетт были полны горечи и печали: «Верно, его уже нет в живых, иначе мы бы что-нибудь о нем услышали». А Мелани снова и снова, в бессчетный раз, отгоняла от себя приступы страха и мысленно твердила: «Он жив. Я знаю это — я бы почувствовала, если бы он умер». Смуглое лицо Ретта Батлера было непроницаемо. Он сидел в затененном углу веранды, небрежно скрестив длинные ноги в щегольских сапогах. На коленях у него безмятежно посапывал во сне малыш Уэйд, удовлетворенно зажав в кулачке тщательно обглоданную куриную косточку. Когда появлялся Ретт Батлер, Скарлетт обычно позволяла Уэиду позже ложиться спать, потому что робкий, застенчивый мальчик был прямо-таки околдован Реттом, да и тот, как ни удивительно, казалось, привязался к ребенку. Обычно присутствие Уэйда раздражало Скарлетт, но на коленях у Ретта он всегда вел себя примерно. Что до тетушки Питти, то она всеми силами старалась справиться с отрыжкой, ибо петух, которого они съели за ужином, оказался старой, жилистой птицей.

В то утро тетушкой Питти было принято тягостное решение резать этого патриарха, пока он не отдал богу душу по причине преклонного возраста и тоски по своему давно уже съеденному гарему. День за днем он чах в опустевшем курятнике, слишком удрученный, чтобы кукарекать. Когда дядюшка Питер свернул ему шею, деликатную душу тетушки Питтипэт внезапно одолели сомнения: допустимо ли насладиться этой птицей в кругу семьи,

в то время как многие из друзей неделями не могут отведать куриного мяса, и она решила пригласить гостей. Мелани, которая была уже на пятом месяце и давно перестала принимать у себя и появляться в обществе, пришла от этой затеи в ужас. Но тетушка Питти на сей раз проявила твердость. Было бы крайне эгоистично самим съесть всего петуха, а если Мелани подтянет верхний обруч кринолина повыше, никто ничего и не заметит, тем более что она такая плоскогрудая.

— Ах, тетя Питти, не хочу я принимать никаких гостей, когда Эшли...

— Так ведь это, если бы Эшли... если бы его больше не было, — дрожащим голосом произнесла тетя Питти, ибо в душе была убеждена, что Эшли мертв. — Но он, поверь мне, не больше мертв, чем мы с тобой, а тебе полезно немножко побыть с людьми. И я приглашу еще Фанни Элсинг. Миссис Элсинг просила повлиять на нее, чтобы она перестала чураться общества.

— Нет, тетя Питти, мне кажется, это жестоко — принуждать Фанни появляться на людях, когда бедняжка Даллас так недавно...

— Ну вот, Мелани, сейчас ты доведешь меня до слез, если будешь спорить. Насколько я понимаю, я твоя тетка и знаю, что к чему. Я хочу позвать гостей.

Итак, тетя Питти настояла на своем, и в последнюю минуту к ней прибыл гость, которого она не ждала и отнюдь не жаждала видеть. Когда запах жареного петуха распространился по дому, Ретт Батлер, только что возвратившийся из одной из своих таинственных поездок, появился в дверях с большой нарядной коробкой конфет под мышкой и кучей двусмысленных комплиментов по адресу тетушки Питти на устах, после чего уже нельзя было не пригласить его к столу, хотя тетушке Питти было хорошо известно, какого мнения о нем доктор Мид и его супруга и как Фанни Элсинг настроена против всех мужчин, не надевших военной формы. Ни чета Мидов, ни Фанни не поздоровались бы с ним при встрече на улице, но в доме друзей они вынуждены будут соблюдать приличия. Притом кроткая Мелани решительнее, чем когда-либо, оказывала ему теперь покровительство. После того как благодаря

его стараниям Мелани получила известие об Эшли, она публично заявила, что, пока она жива, двери ее дома всегда будут открыты для мистера Батлера, что бы люди про него ни говорили.

Опасения тетушки Питти немного ослабели, когда она увидела, что Ретт на этот раз расположен быть пайнкой. Он с таким почти-тельным сочувствием уделял внимание Фанни, что она даже улыбнулась ему, и ужин прошел отлично. Это было королевское пиршество. Кэйри Эшберн принес немного чаю, который он обнаружил в кисете одного из пленных янки, отправляемых в Андерсонвилл, и всем досталось по чашечке чаю, слегка отдававшего табаком. Все получили также по крошечному кусочку жесткого старого петуха с соответствующим количеством соуса из кукурузной муки с луком, по мисочке гороха и по хорошей порции риса с подливкой, правда несколько водянистой из-за нехватки муки. На десерт был подан пирог со сладким картофелем, за которым последовала принесенная Реттом Батлером коробка конфет, и после того как за стаканом ежевичного вина он угостил джентльменов еще и гаванскими сигарами, все единодушно признали, что это был лукуллов пир.

Когда джентльмены присоединились к дамам на веранде, разговор обратился к войне. Разговор всегда обращался теперь к войне; о чем бы кто ни заговорил — о печальных ли событиях, о веселых ли, — все начиналось с войны и сводилось к войне: военные увлечения, военные свадьбы, чья-то смерть на поле боя или в госпитале, лагерные происшествия, бои, походы, храбрость, трусость, горе, веселье, утраты и надежды. Всегда, всегда надежды. Твердые, неколебимые, несмотря на все понесенные летом потери.

Когда капитан Эшберн сообщил, что он попросился на фронт и ему разрешили отбыть из Атланты в армию под Далтоном, дамы готовы были расцеловать его искалеченную руку и, пряча переполнявшую их гордость, наперебой принялись утверждать, что он не должен уезжать — кто же тогда будет ухаживать за ними?

Услышав подобное заявление из уст таких добродетельных матрон, как миссис Мид и Мелани, и незамужних дам, как тетушка Питти и Фанни, молодой капитан был сконфужен, но чрезвычайно доволен: ему хотелось верить, что и Скарлетт такого же мнения.

— Да будет вам, не успеете вы оглянуться, как он воротится домой, — сказал доктор, обнимая Кэйри за плечи. — Еще одна короткая схватка, и янки покатятся обратно в Теннесси. А там уж за них возьмется генерал Форрест. Вас, дорогие дамы, близость янки отнюдь не должна тревожить: генерал Джонстон со своими солдатами стоит в горах, как неприступный бастион. Да, да, как неприступный бастион, — повторил он с особым смаком. — Шерману там никогда не пройти. Ему нипочем не пробиться сквозь заслон старины Джо.

Дамы одобрительно улыбались: любое высказывание доктора Мида воспринималось как непреложная истина. В конце концов, мужчины разбираются в таких делах лучше женщин, и если доктор сказал, что генерал Джонстон — неприступный бастион, значит, так оно и есть. Тут Ретт Батлер заговорил. После ужина он до этой минуты не промолвил ни слова, сидя в полумраке веранды и держа на коленях спящего ребенка, прислонившегося головкой к его плечу, и только чуть заметная усмешка трогала уголки его губ.

— Сдается мне, если, конечно, верить слухам, что в распоряжении Шермана сейчас, после того как он получил подкрепление, свыше ста тысяч солдат, так?

Ответ доктора на этот неожиданный вопрос прозвучал резко. Доктор чувствовал себя не в своей тарелке с первой же минуты, как только обнаружил среди гостей этого человека, который был ему глубоко антипатичен, и лишь уважение к мисс Питтипэт и сознание, что он находится под ее кровом, заставляли его не проявлять слишком открыто своих чувств.

— Ну и что же, сэр? — буркнул он в ответ.

— А капитан Эшберн, по-моему, только что сообщил нам, что в распоряжении генерала Джонстона всего сорок тысяч солдат, считая и тех дезертиров, которых убедили возвратиться под наши знамена после одержанной нами последней победы.

— Сэр! — негодуя воскликнула миссис Мид. — В армии конфедератов нет дезертиров.

— Прошу прощения, — с притворным смирением поправился Ретт. — Я имел в виду те несколько тысяч воинов, которые поза-